

Экономическая история по Дипаку Лалу: в чем сила и слабость Запада?

Введение

Индийский экономист Дипак Лал² является признанным в мире специалистом в области международных экономических отношений и экономики развития. Будучи одним из наиболее авторитетных исследователей социально-экономического развития Индии³, он приобрел широкую известность в мировом сообществе экономистов после издания в 1996 г. совместной с Хла Мюинтом книги «Политэкономические аспекты бедности, справедливости и роста: сравнительное исследование» [Lal, Myint, 1996]. Правда, необходимо заметить, что к тому времени он уже имел в научных кругах репутацию как создатель концепции «хищнического государства» (*predatory state*), которую впервые сформулировал еще в 1984 г. [Lal, 1984].

Лал, по своим взглядам, сторонник старого, классического либерализма, негативно относящийся к современному экономическому мейнстриму, о чем можно с уверенностью судить не только по его сравнительно недавней, переведенной на русский язык работе «Возвращение невидимой руки: Актуальность классического либерализма в XXI веке» [Lal, 2006; Лал, 2009], но и по его ранее опубликованным трудам, в частности, статье «Рынок, мандарины и математики» [Lal, 1987; переизд.: Lal, 1994]⁴. Лал является противником дирижизма во всех его проявлениях и отстаивает с редкой в наше время последовательностью либеральные принципы «Вашингтонского консенсуса» [Lal, 2012]. Его приверженность классическому либерализму и, как следствие, свободным рынкам выражается и в том, что он критически относится к современному Западу с присущим ему раздутым «государством благосостояния» и рассматривает его как отступника от собственных исходных либеральных принципов.

В этой связи особый интерес представляют его воззрения на причины триумфа Запада, давшего миру современный тип экономического роста и порождающие этот рост институты, а также последующего его упадка, постепенно ведущего к утрате свойственной ему ранее роли безоговорочного лидера в деле экономического развития. Первостепенное внимание он уделяет влиянию роли культуры, представлений и мотиваций людей. Этому и посвящена его главная, с нашей точки зрения, книга, – «Непреднамеренные последствия». [Lal, 1998; Лал, 2007].

Наиболее спорной работой Лала является «Похвала империи: глобализация и порядок» [Lal, 2004; Лал, 2010]. И это неудивительно, так как в ней демонстрируется авторский взгляд на благотворность империй. Они в его изображении предстают как носители такого общественного блага как порядок в анархической организации международного

¹ Профессор кафедры институциональной экономики НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург.

² Индийским экономистом Дипак Лал является по происхождению, но не по гражданству. Он – гражданин Великобритании и профессор Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе.

³ Центральное место здесь занимает двухтомная работа «Индийское равновесие» [Lal, 1988, 1989].

⁴ В этой статье Лал решительно отвергает свойственный экономическому мейнстриму взгляд на государство как некое благонамеренное существо, целью деятельности которого является некое общее благо. В частности, он пишет, что «весь роскошный остов элегантной, усложненной и утонченной теории, которая берет свое начало от Рамсея, Самуэльсона, Мида, Литтла и Даймонда с Мирлизом и восходит к Аткинсону и Стиглицу, строится как таковой на предположении о благожелательном государстве, управляемом платоновскими стражниками, и все больше становится наивным и нереалистичным» [Lal, 1994: 35]. Его точка зрения на государство близка к позиции основателей теории общественного выбора (виргинской школы политической экономии) и он развивает ее в упомянутой выше концепции хищнического государства.

сообщества. «Империи обеспечивали мир. Создаваемый ими *Pax* в пределах общего экономического пространства приносил с собой процветание» [Лал, 2010: 177].

Само собой разумеется, что при этом явное предпочтение отдается либеральным («хорошим») империям, образцом которой служит Британская империя на протяжении большей части XIX в. и вплоть до начала I мировой войны. *Pax Britannica* создал то, что автор более всего ценит и называет либеральным экономическим мировым порядком (ЛЭМП)¹. Он призывает США активнее поддерживать *Pax Americana* и, главное, разворачивать его в сторону ЛЭМП, основанном на принципе *laissez-faire*.

В книге «Возвращение невидимой руки» Лал развивает многие идеи предыдущей и бросает вызов тому, что называет «новым дирижизмом»: экспансией государства и влияющих на его политику многочисленных неправительственных организаций (НПО) под новыми и во многом надуманными предложениями, которые, чаще всего, связаны с экологией или политизированными требованиями к производству в третьих странах. Он завершает ее следующими словами:

«В начале 1990-х я написал небольшую книгу о том, какую позитивную роль могут сыграть концепции классического либерализма в искоренении вековой нищеты третьего мира. По целому ряду причин развивающиеся страны начали прислушиваться к этому призыву. Я и представить себе не мог, что сегодня возникнет необходимость донести ту же идею до стран Севера. Однако этого требует нынешнее возвышение “нового дирижизма”. Северу пора на деле взять на вооружение принципы классического либерализма, которых он придерживается на словах» [Лал, 2009: 342].

В итоге же Лал не испытывает оптимизма относительно действенности своих рекомендаций Северу. Он оставляет читателя со следующими словами: «Однако Кассандра охрипла и ей пора менять ремесло» [Там же]. И все же в одной из последних работ он видит некоторые перспективы и для Запада. Связаны они с возможностью продолжения его отхода от христианских ценностей и обращением к новому язычеству. «Возвращение к язычеству может быть как раз тем бальзамом, который излечит все более одинокую и обособленную Западную душу» [Lal, 2010: 1].

Исходные понятия и методология анализа

В целях получения лучшего представления о проведенном Лалом анализе проблем развития необходимо разъяснить содержание ряда используемых им нестандартных понятий. Начнем с его определений типов экономического роста. Наряду с известными понятиями экстенсивного и интенсивного роста² он выделяет две разновидности последнего: рост смитовского и прометеевского типов [Лал, 2007: 37-39]. Первый основан на углублении разделения труда и торговли (институтах, описанных Адамом Смитом), тогда как второй – на замене зависимых от земли органических продуктов минеральным сырьем. Смитовский рост упирается, в конечном счете, в производственные возможности земли, ее убывающую отдачу (с этим фактом и был связан пессимизм Томаса Мальтуса). Однако

¹ Лал не устает подчеркивать, что он использует термин «либеральный» не в том значении, которое он приобрел в США. «Под “либеральным” я имею в виду классический либерализм, а не то значение, которое сегодня придается этому слову в политическом дискурсе США, где порой понятие “либеральный” тождественно прилагательному “социалистический”» [Лал, 2010: 177].

² Напомним, что под экстенсивным ростом подразумевается ситуация, когда темпы роста производства, как правило, не превышают темпы роста населения и, таким образом, душевой доход почти не растет. Поэтому «история мировой численности населения ... есть наш единственный источник для оценки масштабов экстенсивного роста на протяжении периода, предшествующего Новому времени» [Лал, 2007: 39]. В свою очередь, интенсивный рост означает, что объем производства растет устойчиво быстрее, чем численность населения. «Когда и чем был вызван интенсивный рост – центральная проблема теории экономического развития...» [Там же: 16].

промышленная революция привела к замене органической экономики (основанной на земле) экономикой, основанной на энергии, получаемой из полезных ископаемых. И эта новая экономика практически не сталкивается с естественными ограничениями роста (по мере необходимости происходит замена одного ископаемого ресурса другим: так, эпоха угля сменилась эпохой нефти и газа).

Что же стало первопричиной поворотного пункта в истории человечества? Почему на смену экстенсивному росту пришел интенсивный рост протемеевского типа? Для решения этих загадок Лал указывает на огромное значение культуры, которая, согласно ему, «представляет собой неформальный аспект институтов, ограничивающих поведение людей» [Лал, 2009: 224]. Давая более развернутую характеристику культуры, Лал прибегает к помощи экологов. В соответствии с их взглядами, человек, в отличие от животных, приспособляется к изменениям окружающей среды не путем мутаций, а за счет овладения новыми методами выживания в изменившейся обстановке, которые затем закрепляет в виде обычаев. «Эти обычаи и составляют культуру данной группы, которая передается ее новым членам (в основном детям), и им не нужно изобретать эти обычаи заново» [Там же: 224].

Видное место в экономике развития по Лалу занимает понятие социального равновесия, которое он заимствует у экономиста Фрэнка Хана, определившего таковое как ситуацию, в которой движимые собственными интересами субъекты не учатся ничему новому и в результате их поведение приобретает рутинный характер. По мнению Лала, подобное рутинное поведение напоминает созданную экологами концепцию обычая [Лал, 2007: 23; Лал, 2009: 225]. В состоянии равновесия, согласно Хану, экономика «дает субъектам сигналы об отсутствии необходимости менять свои теоретические взгляды или экономическую политику» [Цит. по: Лал, 2009: 225]. Если цивилизацию ничто не подталкивает к изменениям, то она может на целые столетия застрять в т.н. «ловушке равновесия»: душевой доход колеблется вокруг некоторой цифры и экономический рост определяется, преимущественно, увеличением лишь одного фактора производства – количества работников.

Ключевым для теории модернизации Лала, несомненно, является введенное им деление представлений людей на два типа: материальные (как заработать на жизнь) и космологические (как жить)¹. «Первые относятся к способам обеспечить средства к существованию и являются представлениями о материальном мире, в частности, об экономике. Вторая же категория связана с нашим пониманием окружающего мира и места, которое в нем занимает человек, от чего, в свою очередь, зависят представления людей о цели и смысле собственной жизни и взаимоотношений с другими» [Там же: 225-226].

Данное деление обусловливается двумя разновидностями транзакционных издержек. «Первые – это издержки, связанные с поисками потенциальных экономических партнеров и оценкой их потенциала с точки зрения спроса и предложения, а вторые – это затраты на обеспечение выполнения обещаний и соглашений» [Там же: 226]. Если материальные представления служат снижению первых, то космологические – вторых. По мере расширения однократных актов обмена между незнакомыми людьми требовалось пресекать оппортунистическое поведение и эту задачу брал на себя некий нравственный кодекс, осуждающий и ограничивающий такое поведение².

Таким образом, можно заключить, что если материальные представления призваны служить снижению транзакционных издержек, связанных с организацией обмена, то космологические представления предназначены для снижения другой разновидности этих издержек, связанных с принуждением к соблюдению договоренностей

¹ Словом «космологические» он заменяет чаще употребляемый в таких случаях другими авторами термин «идеологические».

² «Фактически, одно из главных функций космологических представлений заключается в предоставлении социальных норм, которые делают нас моральными животными вопреки нашим инстинктам» [Лал, 2007: 26].

Деление представлений на материальные и космологические служит затем для принципиального разграничения модернизации и вестернизации, неоднократного подчеркивания их нетождественности. «...Модернизация возможна и без вестернизации», – таков главный вывод его книги «Непреднамеренные последствия»¹. «Не-западные общества могут перенимать средства для достижения процветания, не поступаясь своей душой» [Лал, 2007: 208]².

Для правильного осмысления этих выводов никак нельзя упускать из вида тот факт, что под материальными представлениями понимаются далеко не только и не столько научно-технические знания, как это можно ошибочно понять из используемого термина. Так, развертывая описание причин возвышения Запада, Лал определяет эти представления в тот период как то, что можно в сумме назвать прорыночным менталитетом: благожелательное отношение к торговле, частной собственности, предпринимательству³. Иначе говоря, правовое сознание, формирующее благоприятный бизнес-климат.

Отсюда модернизация – это радикальное изменение материальных представлений, открывающее простор рыночной экономике, свободной конкуренции. И поэтому она есть универсальное для всех стран и народов средство, ведущее к процветанию за счет обеспечения условий устойчивого экономического роста прометеевского типа.

Распространение и закрепление этих материальных представлений, родившихся на Западе, но носящих наднациональный характер, не тождественно распространению западной космологии, которую Лал связывает с индивидуализмом. Можно и нужно перенять прорыночный менталитет Запада (его материальные представления), но не его индивидуалистическую космологию⁴.

Процесс вестернизации определяется как «принятие западных космологических представлений» [Лал, 2010: 25], которые, на самом деле, есть не универсальные ценности, а «культурно-обусловленные ценности западного христианства» [Там же]. Эти ценности, когда их навязывают другим цивилизациям, вызывают сопротивление. «Весь остальной мир готов к тому, чтобы в процессе глобализации воспринять материальные представления Запада, но он не готов разделить его космологические представления. Незападные страны хотят модернизации, а не вестернизации» [Там же: 26].

Успешным примером такого выборочного заимствования Лал считает Японию⁵. И, как мы увидим далее, западный индивидуализм рассматривается им не только как не обязательный для рынка атрибут (хотя и способствовавший, в свое время, при определенных

¹ Сам Лал так пишет об этом: «Один из главных выводов моей книги “Непреднамеренные последствия” заключался в том, что остальной мир может воспринять материальные ориентиры Запада, способствующие возникновению капитализма, не разделяя его космологических представлений» [Лал, 2009: 27].

² «Процесс модернизации – переход от материальных представлений, свойственных аграрной экономике, к материальным представлениям, свойственным промышленной, - означает изменение этих представлений. Космологические представления, напротив, связаны с тем, как люди понимают свое место в мире и свои взаимоотношения с другими людьми. Они связаны с моралью и верованиями, содержащимися в различных религиях» [Лал, 2010: 25].

³ Это утверждение близко к концепции Дейдры Маккроски, согласно которой решающую роль в прорыве Запада к устойчивому экономическому росту сыграло изменение в риторике, так называемая «Великая переоценка» ценностей, когда сложилось благожелательное отношение к буржуазной практике, предпринимательству [MacCloskey, 2011].

⁴ «...Индивидуализм создал инструменты роста прометеевского типа. Однажды открыв, их можно имплантировать в самые разные общества по всему миру без необходимости для этих обществ перенимать космологические представления, которые привели к созданию этих инструментов» [Лал, 2007: 205]. Это, как мы могли убедиться, и еще раз неоднократно убедимся – основа лаловского мировоззрения: в потоке западного влияния можно и нужно брать все полезное и необходимое для рыночной экономики, но оно не включает индивидуализм. Последний можно, образно говоря, сравнить с отработанной ступенью ракеты: потребление услуг выведенного ею на орбиту спутника не требует его перезапуска. Однажды сработав на Западе и, создав то, что от него требуется, сам индивидуализм как таковой становится более ненужным.

⁵ «У остального мира есть возможность – и это наглядно продемонстрировала Япония – взять на вооружение материальные представления Запада, необходимые для экономического процветания, не принимая его космологических представлений и не отказываясь от собственной морали» [Лал, 2009: 264].

специфических условиях прогрессу Запада), но и как то, что постепенно поворачивает Запад против рынка и ведет к его упадку.

Разделение материальных и космологических представлений наиболее рельефно проявляется в противопоставлении экономических и гражданских свобод, с одной стороны, и политических свобод, - с другой¹. Первые более важны и обладают универсальной применимостью. При этом «глобализация одновременно и зависит от классических либеральных, т.е. экономических и гражданских свобод, и способствует их распространению» [Там же, 2010: 330]. В то же время «политическая свобода, особенно в форме мажоритарной демократии и демократии участия, с точки зрения глобализации может оказаться даже нежелательной» [Там же].

В чем здесь дело? Почему демократия отсоединяется от экономических и гражданских свобод и рассматривается как «даже нежелательная» для успеха глобализации?

Для ответа на эти вопросы необходимо обратиться к определению Лалом процесса глобализации. «Глобализация – это процесс создания общего экономического пространства, ведущий к интеграции мировой экономики благодаря все более свободному перемещению товаров, капитала и труда» [Там же: 15]. При этом «рассматривая как чисто экономический процесс, глобализация является ценностно нейтральной» [Там же]. Глобализация неразрывно связана с распространением экономическим и гражданских свобод, которые, по Лалу, также являются ценностно нейтральными категориями (сферой материальных представлений).

Однако демократия, политические свободы таковыми не являются. «Демократия, расхваливаемая ныне как панацея от всех мировых бед, не обязательно способствует миру и процветанию. Она способствует политической свободе, но последняя является частью космологических представлений культуры, ее политических обычаев» [Там же]. Если демократизация входит в противоречие с космологическими представлениями, ее внедрение сопровождается социальными коллизиями, не способствующими успешному развитию².

В итоге можно заключить, что выстраивается довольно стройная, хотя, на взгляд многих, и спорная схема (рис. 1). Дуализм представлений отражается в дуализме свобод, оказывающих, в свою очередь, часто противоположное воздействие на глобализацию. Опасность для глобализации вытекает из того, что незападные цивилизации «воспринимают глобальный капитализм как “тroyанского коня”, орудие вестернизации и насаждения западных нравов...» [Лал, 2009: 242].

¹ «Следует проводить различие, по крайней мере, между экономической, гражданской и политической свободами. Первая относится к свободному рынку, вторая – к верховенству права, а третья связана с демократией» [Там же: 120].

² «Политическая свобода ... может быть желательна по самым разным причинам, но если придать ей более высокий приоритет, чем внутренний порядок, то это может нанести ущерб либеральному экономическому миропорядку, спровоцировав то самое внушающее всеобщее опасение столкновение цивилизаций» [Там же: 120]. Попутно заметим, что другой не менее, если не более известный индийский экономист, - Амартия Сен (лауреат Нобелевской премии по экономике 1998 года) занимает противоположную позицию в отношении политических свобод и демократии. В своей книге «Развитие как свобода» он оспаривает так называемый «тезис Ли» (имеется в виду Ли Куан Ю – выдающийся реформатор, премьер-министр Сингапура с 1959 по 1990 год), заключающийся в том, что жесткие политические режимы обладают преимуществами, способствующими развитию экономики [Сен, 2004: 32]. При этом он полагает, что «политическая свобода и гражданские права важны сами по себе и не требуют доказательств своей экономической полезности» [Там же: 33]. Кроме того, если говорить об экономической составляющей, то «мировая история не знает примеров голода, случившихся при действующей демократии» [Там же]. В дальнейшем он посвящает целую главу, названную «Значение демократии», обоснованию желательности демократии, не раз подчеркивая ее непосредственное значение (как потенциала возможностей личности), инструментальное значение (как способа привлечения внимания политиков к требованиям общественности) и конструктивную роль (роль в концептуализации экономических нужд, включая их приоритетность). При этом утверждается, что «острота экономических нужд скорее усиливает – а не уменьшает – актуальность политических свобод» [Там же: 171]. И приводится в пример Индия: «Индия – огромный, невероятный, удручающий клубок противоречий – выстояла и функционирует достаточно успешно в качестве политического единства с демократической системой – по сути, действующая демократия и держит ее на плаву» [Там же: 180].

Если углубиться в анализ Лалом космологических представлений, то они, в свою очередь, также отличаются дуализмом: в той или иной пропорции складываются из индивидуализма и коммунализма (более привычный термин коллективизм он не использует, чтобы не возникла путаница с определенным типом экономики, который на Западе принято именовать коммунистическим). Запад, естественно, гораздо более, чем остальной мир.

И, наконец, обращается внимание на механизмы привития культурных характеристик в процессах социализации. Их тоже два: стыд и вина. Принципиальное различие между ними удачно подчеркивается следующим примером: «В отсутствие Пятницы Робинзон Крузо мог не ощущать стыда, но если он веровал в иудео-христианского Бога, он мог ощущать вину!» [Лал, 2007: 31]. Последняя характерна для европейской цивилизации и, естественно, тесно связана с индивидуализмом (ее ведь может ощущать и абсолютно одинокий Робинзон). Стыд же невозможен вне коллектива и результатом социализации посредством него становятся космологические представления, которые описываются как «коммуналистские» [Lal, 2004 (b): 138].

Рис. 1. Представления, свободы и их влияние на глобализацию.

Лал придает большое значение скорости реакции на сигналы из окружающей среды и на основе ее дифференциации выстраивает следующую последовательность. Быстрее всего на них реагирует рынок, достигая равновесия спроса и предложения. Вторыми по скорости реакции оказываются материальные представления, определяющие организационную структуру, в рамках которой действует рынок (или, как замечает Лал, не действует, если речь идет о централизованно управляемых экономиках). Изменения этих представлений возможны на протяжении жизни одного поколения. И, наконец, связанные с космологическими представлениями состояния культурного равновесия, которые меняются мед-

леннее всего. В связи с этой особенностью космологических представлений они «могут сохраняться даже в том случае, если они больше не выполняют никаких функций» [Лал, 2007: 28]. И, как следствие, «культурные особенности могут пережить свою полезность» [Там же].

Говоря о влиянии материальных интересов и идей на человеческую деятельность, Лал подчеркивает, что он занимает позицию посередине между «материалистами» и «идеалистами». [Там же: 24]. С одной стороны, он неоднократно цитирует известного экономиста XX в. Джона Хикса, который говорил, что «люди будут действовать экономически; когда им представлялась возможность получить выгоду, они не упускали случая ею воспользоваться» [Цит. по: Там же: 32]. И пишет, в частности, что «межкультурные различия в способах производства, распределения и обмена можно удовлетворительно объяснить вполне стандартными экономическими (то есть материалистическими) факторами» [Там же: 31]¹.

С другой стороны, для него неприемлема позиция чистых материалистов, к которым он относит как марксистов, так и чикагскую экономическую школу. «Но вот ведь какая ирония: начав с одной точки – с “грубого факта” интереса, – в конечном итоге они приходят к различным идеологиям. Разделяя идентичные материалистические взгляды и располагая одними и теми же историческими фактами, они приходят к диаметрально противоположным взглядам на социальную реальность» [Там же: 24]. В этом курьезе он видит доказательство разумности своей «срединной позиции».

В любом исследовании проблем развития неизбежно встает вопрос о том, как мир представлений (идеология, культура) соотносится с государственными институтами и экономикой. Материальные (личные) интересы, по Лалу, могут влиять на экономику и политику, но они, как он полагает, не могут объяснить одного – смену политических режимов [Там же: 34]. И здесь самое время остановиться на его учении о государстве, сердцевину которого образует тезис о хищнической природе последнего².

«Универсальное свойство любого политического устройства – вездесущая хищность государства. Это всего лишь отражение необходимой монополии права на принуждение и неизбежной максимизации чистого дохода, который корыстные правители будут затем выжимать из своих подданных» [Там же]. «Целью этого хищнического государства (как и контролирующей городской район мафиозной группировки) является максимизация чистого дохода, чистой величины награбленного» [Лал, 2010: 34]³.

В то же время сам автор концепции «хищнического государства» признает, что выстроенное им объяснение перемен на основе степени хищничества государства и его ограничений – лишь одна сторона дела. Государство имеет институциональную природу, а институциональные факты – это социальные факты, для которых, «в отличие от природных фактов, наше отношение представляет факт» [Лал, 2007: 34]. Можно сказать, что наше отношение к институту отчасти формирует и сам институт. В результате «эти особенности институциональных фактов подразумевают, что любое государство, независимо

¹ «...Даже в таких сугубо личных вопросах, как рождаемость материалистические объяснения превосходят идеалистические» [Лал, 2007: 32].

² Лал использует модель «хищник-жертва», применяемую при исследованиях живой природы, для описания ее подобия с отношениями суверена и подданных, где симбиоз отвечает интересам и хищника, и жертвы, но при этом благополучие жертвы не является непосредственной целью хищника.

³ В упомянутой ранее работе «Индийское равновесие» Лал представил модель хищнического государства, которая обобщает исторические исследования государств, возникавших на Индо-Гангской равнине до появления англичан. Рассматривается она и в книге «Непреднамеренные последствия» [Лал, 2007: 211-221]. При этом Лал не связывает «хищничество» государств только с недемократическими режимами. Хищническую природу имеет даже демократическое государство, где в роли хищников выступают медианный избиратель и мощные группы интересов [Лал, 2009: 83].

от того, насколько оно тираническое и хищническое, должно быть основано на некоем всеобщем признании его легитимности населением» [Там же]¹.

Лал в своих рассуждениях опирается на концепцию «легитимности на основе обычая» американского философа Джона Сирла [Searle, 1995], а, кроме того, особо выделяет теорию двойных предпочтений экономиста Тимура Курана [Kuran, 1995], согласно которой функция полезности индивида зависит не только от традиционной внутренней полезности, но и от внешней полезности, под которой понимается мнение других лиц. Под влиянием последнего индивид может быть неискренним в демонстрации своих предпочтений, но стоит общественной поддержке (или, напротив, общественному осуждению) снизиться до какого-то критического значения, как индивид тут же «вытаскивает на свет» свои истинные, до сего момента скрываемые предпочтения². Это объясняет резкие и часто непредсказуемые перемены общественного мнения, например, такие, что имели место в период краха социализма в 1989-1991 гг.

Согласно позиции Лала, и материальные представления, и космологические (включающие общественное мнение) влияют на политическое устройство, но последние («взгляд на мир») имеют большее влияние. «Политические предпосылки капитализма... - пишет он, - должны были иметь культурные предпосылки» [Лал, 2007: 36].

В целом же, концепция Лала построена на многосторонних взаимозависимостях. В ней все зависит от всего. Он постулирует: «Существует система общего равновесия, определяющая политические и экономические результаты, в которой взаимодействуют обеспеченность факторами производства, два компонента культуры и политическое устройство. Все зависит от всего остального в том смысле, в котором мы привыкли в экономической теории» [Там же].

Тем не менее, есть основания предположить наличие в логике Лала следующей последовательности: изменения в материальной среде (обеспеченность факторами производства, технологические и торговые возможности) влияют как на аспекты материальной культуры (материальные представления), так и космологию, а последняя, в свою очередь, в большей степени влияет на политическое устройство, чем первые. Политическое устройство (степень хищничества государства) оказывает обратное воздействие на материальную среду, освобождая или, напротив, подрывая возможности роста протеметеевского типа. Эта логика рассуждений схематически изображена нами на рис. 2.

Почему Запад?

Пожалуй, не найдется ни одного автора, который так или иначе касался бы в своих трудах проблем развития, и при этом не пытался найти ответ на вопрос: почему именно Запад стал движущей силой развития земной цивилизации?³ Не обходит его стороной, естественно, и Лал. Он констатирует, что «интенсивный рост протеметеевского типа остается европейским чудом» [Там же: 89]. Но, в то же время, замечает, что «парадоксальным образом сами представления, породившие рост протеметеевского типа, в конечном счете могли разрушить скрепы общества в этой цивилизации» [Там же].

Лал рассматривает как материалистические, так и институциональные основания возвышения Запада. Первые истолковываются в терминах обеспеченности факторами производства и технологиями. В период господства Рима выделялись географические обстоятельства: различия в обеспеченности факторами производства территорий вокруг Средиземного моря сделали торговлю двигателем интенсивного роста смитовского типа.

¹ «В конечном счете любое государство, подобно другим институтам, также зависит от общего признания его права управлять» [Там же: 35].

² В приложении Лал знакомит читателя с моделью двойных предпочтений и общественного мнения, разработанной Кураном [Лал, 2007: 221-225].

³ Американский социолог и политолог Джек Голдстоун почти так прямо и назвал свою книгу, посвященную этой проблеме [Голдстоун, 2014].

Нехватка рабочей силы в Средние века породила специфику европейского феодализма: неизвестное на Востоке взаимное признание квази-юридических прав и обязательств. Со временем перемены в сельском хозяйстве и начало промышленной революции ликвидировали эту нехватку, что привело к исчезновению крепостничества. Промышленная революция превратила традиционные органические аграрные экономики в промышленные, основанные на минеральном сырье, что сделало интенсивный рост прометеевского типа нормой для Запада [Там же: 90-91].

Рис. 2. Экономическое развитие и его источники по Лалу

Что касается институциональных основ возвышения Запада, то Лал выделяет четыре обстоятельства [Там же: 92-93].

1. Важность городов-государств в создании благоприятного климата для купцов и коммерции.

2. Развитие коммерческого договорного права, позволявшего заменить сделки, основанные на доверительных связях, на сделки между независимыми сторонами¹.

3. Признание государством прав частной собственности. При этом, в отличие от Востока, укрепление абсолютизма сопровождалось не снижением экономической гарантированности собственности, а, напротив, ее укреплением, движением в сторону всеобщих прав на частную собственность.

4. Постепенная трансформация «греческого духа любознательности» в повседневную практику науки

Касательно последней, надо заметить, что Лал, говоря о том, что в ней заключен в чем-то и решающий фактор возвышения Запада, тем не менее, выступает против концеп-

¹ В этом плане обращает на себя внимание известное сравнительное исследование Анвара Грейфа, который показал, как гемуэты, развившие формальное правовое и политическое принуждение к соблюдению контрактов, превзошли своих конкурентов из Магриба, которые опирались на традиционные семейные контакты и неформальные экономические санкции. [Грейф, 2013].

ции Джоэла Мокира, согласно которой различия в технической креативности являются конечным объяснением различий в богатствах народов [Мокур, 1990; Мокур, 2000]. По Лалу, главное – не констатировать это очевидное различие, но найти его причину. Исключительная техническая креативность Запада видится ему как порождение его уникальной особенности, – индивидуализма. Однако почему индивидуализм возник только на Западе? «Роль, которую в этом сыграло западное христианство, наиболее принципиальная, но ее удивительным образом не заметили экономические историки!» [Лал, 2007: 242, прим.].

И здесь есть все основания перейти непосредственно к рассмотрению Лалом представлений Запада, сформированных как результат двух папских революций. Индивидуализм Лал связывает с первой папской революцией, свершенной еще в VI в. папой Григорием I (Григорием Великим). Она касалась семейных отношений¹.

Папские запреты VI в. увеличивали число бездетных, снижали количество наследников (в том числе наследников мужского пола), сужали семьи, мешали им сохранить собственность и способствовали отчуждению ее в пользу церкви. «Церковь стала непревзойденным участником гонки за наследством» [Там же: 106]. Этот вид церковной «погоны за рентой» имел те самые непредвиденные последствия, которым и обязано заглавие книги.

Именно в то время были заложены основы западной нуклеарной семьи, ослаблена власть главы семейства над родственниками (и, в первую очередь, его право соединять их брачными узами). Церковь поощряла браки по любви, так как они вкупе с названными запретами повышали вероятность завещания ей нажитого имущества². И в этом самостоятельном выборе партнера по браку Лал видит исток западной космологии в виде индивидуализма. «Поддерживая независимость молодежи в выборе брачных партнеров, в устройении их собственных домохозяйств и вступлении скорее в договорные, чем в эмоциональные отношения при заботе о стариках, эта система способствовала появлению индивидуализма» [Там же: 110].

Выделение поколений в отдельные семьи позволяло старшему поколению лишиться детей наследства (например, завещать имущество в пользу той же церкви), но при этом младшее поколение тоже могло подвергнуться санкциям старшее – лишиться услуг по уходу. Эту функцию тогда церковь брала на себя. Возникали и примитивные государственные услуги по общественному призрению. Их появление относят еще к XII-XIII вв. Таким образом, если на Востоке функции социального страхования оставались (и во многом еще до сих пор остаются) внутрисемейными, то на Западе уже в средневековье наблюдаются зачатки государства всеобщего благосостояния. И они, как бы это не выглядело странно на первый взгляд, являются результатом индивидуализма.

В то же время, хотя именно жадность церкви разрушила евроазиатскую систему брака, державшую страсть под контролем, церковь же нашла и противоядие, разделив любовь и секс.

«Всепроникающее христианское учение, направленное против секса, основанное на концепции первородного греха и порождаемой им неизбежной вины, было необходимым противоядием от “животных страстей”, которые в противном случае высвобождал своекорыстный подрыв Церковью традиционной евроазиатской системы брака. Но, поскольку смертные грехи включали не только похоть, вина, связанная с бытием в греховном Адаме, тоже была мощным средством поддержания социального контроля» [Там же: 115].

¹ Августин, первый архиепископ Кентерберийский, в 597 г. послал гонцов в Рим, к папе Григорию I, с целью получить совет по некоторым вопросам. Четыре вопроса касались проблем семьи и брака. В ответах Григория I запрещалась традиционная для той поры практика браков с различными близкими родственниками; усыновление, полигиния, развод и повторный брак также были запрещены.

² Уместно вспомнить, что в драме Шекспира «Ромео и Джульетта» именно фра Лоренцо поощряет их поведение, направленное против воли их семей. Экономисты, следуя своей излюбленной терминологии, могли бы назвать это подстрекательство к самостоятельному выбору «эффектом фра Лоренцо».

При этом Реформация только усилила влияние этой культуры вины [Там же].

Итак, культура индивидуализма стала источником материального и научного триумфа Запада (правда, Лал нигде не конкретизирует, как индивидуализм, высвобожденный семейной революцией Григория I, связан с этим триумфом). И, в то же время, личное чувство вины и осознание собственной греховности с рождения поддерживало личную этику (воздержание от всех смертных грехов, не только похоти) из страха перед чистилищем. Они рассматриваются Лалом как социальные скрепы западного общества. Эти «скрепы» уникальны (в том смысле, что присущи только Западу) и держатся исключительно на вере в бога. Стоит ей серьезно ослабнуть, как «моральный кодекс» Запада рухнет, поскольку Григорий I подорвал характерные до той поры и сохраняющиеся и поныне в Азии моральные нормы, основанные на чувстве стыда.

Для обогащения католической церкви последствия первой папской революции были самыми благоприятными. Лал отмечает, что, по оценкам демографов, примерно 40% семей оставались без прямых наследников по мужской линии, а имущество, которое нельзя было передать по наследству, как правило, завещали церкви (благодаря все тому же чувству вины, изначальной греховности земного существа). Ее собственность росла феноменально [Лал, 2009: 230].

Таким образом, «индивидуализм возник как непреднамеренное последствие жажды наживы со стороны Римской Католической Церкви» [Лал, 2007: 204]. В результате он имеет чисто материальное происхождение¹. В то же время «он был чистой исторической случайностью» [Там же]. «Индивидуализм, которому она (католическая церковь – А.З.) непреднамеренно способствовала, является уникальным космологическим представлением Запада. Остальной мир был и остается коммуналистским» [Там же].

Стремительное обогащение церкви породило и охотников за церковным имуществом (как из числа светских правителей, так и алчных клириков). И тут на помощь пришла вторая папская революция, свершенная в 1075 г. Григорием VII. Он издал буллу, в которой, следуя идущей еще от «Града божия» св. Августина концепции, вознес церковную власть над светской. Церковь была поставлена выше государства. Поддерживала она свою власть через угрозу отлучения. «Для компенсации своей слабости в этом мире она использовала власть над загробным миром» [Лал, 2007: 107].

В результате имущество церкви стало неприкасаемым, а глубокая вовлеченность ее в мирские дела потребовала создания всех правовых и институциональных атрибутов, которые до сих пор служат рыночной экономике. Со временем церковью была создана «вся важнейшая правовая инфраструктура современной коммерческо-промышленной экономики!» [Там же: 103]. Церковь-государство, преследуя свои выгоды, строилась как правовое государство. Постепенно ее установления заимствовали и светские государства. Экономисты-институционалисты сегодня сказали бы, что светские государства импортировали сформированные церковью институты².

В результате второй папской революции права собственности, рынок и торговля получили, можно сказать, божественное благословение. «Папская революция Григория

¹ Виргинская школа политической экономии сравнивает Римскую средневековую церковь с современной корпорацией М-формы: таковая состоит из большого числа полуавтономных единиц, которые контролируются преимущественно установлением финансовых целей из центра. «Организация церкви была организацией корпорации М-формы с папой в качестве генерального директора (СЕО), папской камерой в качестве финансового отдела, директорами во главе (курии и кардиналы) и географически рассредоточенными нижними розничными подразделениями. Главной задачей верхнего эшелона церкви было поставлять доктрины и догмы, определяющие важнейшие принципы членства (например, интерпретации священных текстов) и собирать поступающие в нижние подразделения ренты» [Ekelund, 2004: 387].

² Лал замечает, что многие свойственные капитализму институты, возникли еще до революции Григория VII, но «эти институты не пользовались правовой защитой со стороны государства, которое чаще всего рассматривало предпринимателей как “дойных коров” для осуществления собственных хищнических устремлений» [Лал, 2009: 23].

VII разорвала путы, сковавшие базовый “инстинкт торговли”, а со временем изменила и традиционные евразийские материальные ориентиры, основанные на подозрительном отношении к рынку и торговцам» [Там же: 230]. Рынок со всеми необходимыми ему установлениями становился органической частью материальных представлений европейцев.

В итоге картину папских революций и их последствий можно наглядно представить следующим образом (рис. 3). Стремление к наживе Римской католической церкви (РКЦ) привело к «семейной революции» Григория I (первой папской революции). Преднамеренным последствием стал рост церковных богатств, непреднамеренным или побочным – индивидуализм в космологических представлениях европейцев. Церковные богатства стали предметом зависти и покушений. Ответом на них, как известно, была правовая революция Григория VII (вторая папская революция). Преднамеренным ее последствием стали гарантии сохранения церковной собственности, непреднамеренными – формирование благоприятных для развития рынков материальных представлений в обществе, распространение правового режима вширь (в мир, за пределы церкви) и, в конечном счете, экономический рост принципиально нового типа.

Рис. 3. Папские революции и их последствия

Правовые институты, учрежденные второй папской революцией, таким образом, и привели к тому, что Лал неоднократно называет «европейским чудом». С XI в. начинается история «Великого расхождения» западной и восточной цивилизаций: первая, в конечном итоге, породила промышленную революцию и интенсивный экономический рост прометеевского типа, вторая же оказалась на века в состоянии застоя, которое (применительно к Индии и Китаю) Лал определяет как «ловушку равновесия на достигнутом уровне» [Там же: 29-30].

Либеральный экономический мировой и имперский порядок

Вторая папская революция не быстро завершилась триумфом. Для него потребовалось почти 800 лет. Однако когда он состоялся, то это означало, что модернизация (так, как ее трактует Лал) впервые осуществилась: в материальные представления влились идеалы свободной рыночной экономики. Правда, в полной мере это произошло лишь в одной стране мира, которая стала основателем и лидером ЛЭМП.

ЛЭМП № 1. Мир свободного рынка и свободной торговли на протяжении значительной части XIX в. олицетворяла Великобритания. Лал видит истоки рыночных реформ того времени не столько в идеях Адама Смита, сколько в экономическом крахе политики меркантилизма¹. Сам ЛЭМП окончательно сформировался под эгидой Великобритании после 1846 г. (с отменой «хлебных законов»).

ЛЭМП № 1 опирался на несколько столпов [Лал, 2010: 178-179].

Во-первых, на свободу торговли. Идея фритредерства в то время не считалась ни с какими таможенными барьерами в других странах. Великобритания осуществляла либерализацию торговли в одностороннем порядке. Поскольку «торговые ограничения негативно отражаются лишь на благосостоянии той страны, что проводит протекционистскую политику, и было бы неразумно отказываться от роста собственного благосостояния только потому, что так поступают другие» [Лал, 2009: 50].

Во-вторых, это *laissez-faire*. Здесь Лал приводит предложенное известным британском философом Майклом Оукшоттом деление государств на два типа: государство как гражданскую ассоциацию и государство как ассоциацию-предприятие [Oakshott, 1993]. Великобритания в середине XIX в. была, пожалуй, самым чистым в реальной истории воплощением первого². Государство было нацелено на поддержание мира, законности и порядка и почти не вмешивалось в хозяйственную жизнь³.

В-третьих, это золотой стандарт, который автоматически выравнивал дисбалансы в мировой торговле и обеспечивал наилучшие условия для международного движения капитала⁴. Можно сказать, что именно золотой стандарт «несет ответственность» за то, что мы сегодня называем глобализацией.

В-четвертых, мобильность труда. Британский ЛЭМП обеспечивал свободу международного перемещения трудовых ресурсов. Очевидно, что для современной глобализации свободный всемирный рынок труда немыслим.

В-пятых, международные права собственности. Лал полагает, что самым важным элементом ЛЭМП №1 являлась международная система защиты прав собственности. Она строилась на торговых договорах, заключенных европейскими странами в середине XIX в. [Лал, 2010: 179].

¹ «Эпоха реформ в XIX веке была обусловлена не столько теорией Адама Смита, сколько стремлением государств восстановить налоговую базу, разрушенную из-за непредвиденных последствий меркантилистской политики» [Лал, 2009: 45].

² «Концепция гражданской ассоциации отводит государству роль гаранта соблюдения законов, который не стремится навязать людям некий набор задач (в том числе абстракций вроде «социального обеспечения» или основополагающих «прав»), но лишь обеспечивает им возможность преследовать собственные цели» [Лал, 2009: 66].

³ «Огромный экономический динамизм частной экономики в Великобритании породил массовое требование перехода к компактному государству и дешевому правительству. Радикалы из среднего и рабочего классов поддерживали эту политическую программу, поскольку видели в ней путь к ограничению влияния аристократов, государственного долга и «старой коррупции», позволявшей тратить деньги налогоплательщиков в интересах политически влиятельных кругов» [Лал, 2010: 99].

⁴ В книге, вышедшей в США в 2002 г., американский экономист Бринк Линдси писал о том, что достигнутый в начале XX в. рекордный объем международных потоков капитала относительно совокупного объема производства не перекрыт и по сей день. В то время ежегодный экспорт капитала из Великобритании составлял 9% ВВП, тогда как в 1980-е гг. профицит текущего баланса Японии и Германии ни разу не превысил 5% ВВП [Линдси, 2006: 104].

Империи и Pax Britannica. Описанный выше экономический порядок нуждался в том, чтобы какая-то сила была его гарантом. Таковой стала Британская империя. Однако прежде чем, вслед за Лалом, выделить некоторые ее особенности, необходимо хотя бы очень кратко пройти по его теории империй.

Во «Введение» отмечалось, что империи приносят такое общественное благо как мир. Соединяя территории в единое экономическое пространство, они способствуют процветанию. Оно во многом обусловлено тем, что империи производили и такое общественное благо как коммуникации. Еще одним имперским общественным благом является лингва-франка: «общий язык ведения дел как внутри имперской бюрократии, так и между ней и ее подданными» [Там же: 79].

Лал классифицирует империи, во-первых, на мультикультурные и гомогенизирующие, во-вторых, на империи, представленные государством как гражданской ассоциацией и государствами как предприятиями. Примером мультикультурной империи может служить Австро-Венгрия, гомогенизирующей – китайская империя. Что касается второй классификации, то государством-ассоциацией Лал числит, например, Римскую империю, а воплощением государства-предприятия является «Русская империя при Ленине и его преемниках» [Там же: 86-87].

Почему обычно империи отождествляются со злом? В категорию «зла» попадают империи, организованные как государства-предприятия. «Похоже, что империи, которые обычно считаются злом, относятся как раз к числу тех, которые разделяли взгляд на государство как на предприятие и стремились служить некоему идеалу, выходящему за рамки идеи поддержания порядка» [Там же: 87].

Лал различает империю и гегемонию. В первом случае речь идет о стремлении контролировать как внешнюю, так и внутреннюю политику. Во втором – только внешнюю. Естественно, что «империи, стремящиеся контролировать и внешнюю, и внутреннюю политику других государств, являются предприятием более затратным, чем гегемония» [Там же: 41]. В то же время, если издержки на интеграцию империи высоки, то выбор может быть сделан в пользу имперского непрямого правления (Афины в Древнем мире).

Большая часть населения Земли жила в империях, а анархичная система европейских государств, возникшая после распада Римской империи, была скорее исключением, чем правилом.

Империям угрожают фискальные кризисы. «Самой распространенной причиной падения империй является рост фискальных поборов, которые, порождая сопротивление, уклонение и бегство от налогов, ведут к хроническому бюджетному кризису, итоговым результатом которого оказывается крах военной и бюрократической инфраструктуры империи и обеспечиваемого порядка» [Там же: 89].

Британская империя попадает в разряд империй, представленных государством как гражданской ассоциацией, и, разумеется, империй мультикультурных. Она предпочитала не прямое правление¹. Лал пишет об «экспорте джентльменского кодекса» [Там же: 98], который осуществляла империя. В частности, это подготовка местных управленческих элит. Прежде всего, конечно, в Индии. В конце II мировой войны Великобритания управляла всеми своими колониями с помощью администрации численностью менее 3000 человек, что более чем втрое уступает штату Всемирного банка [Там же: 128-129].

Можно сказать, что Британия экспортировала либеральный порядок, особенно принимая во внимание тот факт, что она в одностороннем порядке придерживалась принципа свободной торговли. Это, кстати, устраняло необходимость принуждения к ней или давления в пользу ее введения.

¹ «Индия, к примеру, не была колонией (с белыми поселенцами), но при этом являлась центральным звеном Британской империи. И не вся она была под прямым правлением Британии. Управление княжествами, составлявшими значительную часть британских владений в Индии, осуществлялось непрямым образом – через политических представителей, которые были при каждом дворе местных правителей» [Там же: 100].

Pax Britannica нуждался только в гарантиях безопасности глобальных торговых коммуникаций, которая поддерживалась за счет превосходства британского военно-морского флота. В то же время, не ясно, являлась ли империя окупаемым проектом. «Даже сегодня историки экономики не могут прийти к единому мнению в вопросе о соотношении между издержками на сохранение и расширение Британской империи и экономическими выгодами от нее после 1850 года» [Там же: 100].

К *Pax Americana* и ЛЭМП №2. После I мировой войны и, во многом, в результате нее, рухнул ЛЭМП № 1, а Британская империя утратила былое влияние. США подхватили эстафету только после II мировой войны. В промежутке между ними доминировала концепция коллективной безопасности американского президента Вудро Вильсона. По мнению Лала, результатом неспособности американцев взять на себя глобальную имперскую миссию «стали две величайшие угрозы классическому либеральному порядку, установленному в мире Великобританией, – фашизм и коммунизм» [Там же: 106].

Что представляют США сегодня в международном плане? Лал так отвечает на этот вопрос: «Соединенные Штаты Америки сегодня бесспорно являются империей. Это больше, чем гегемония, потому что они стремятся контролировать не только внешнюю, но и некоторые аспекты внутренней политики других стран. Но это неформальная империя с непрямым правлением» [Там же: 116].

Однако, за это время сменилась не только империя. Сменился и ЛЭМП. В эпоху *Pax Americana* он далеко не столь либерален, как в эпоху *Pax Britannica*. США стали распространять его не с помощью собственного примера, как ранее Британия, а с опорой на международные организации: МВФ, ВТО, Всемирный банк. Лал отмечает следующие его особенности [Там же: 184-188]:

1. Торговля. США отказались от либерализации торговли в одностороннем порядке и в основу положили принцип взаимности. В результате вопросы внутренней политики других стран неизбежно перетекают в сферу внешнеторговой политики.

2. Валютные курсы. МВФ был создан для поддержания системы весьма ограниченного золотого стандарта (Бреттон-Вудской системы). С окончательным крахом золотого стандарта в 1970-е гг. миссия МВФ во многом исчерпала себя. В настоящее время его деятельность по «спасению утопающих» порождает ненужный моральный риск.

3. Развитие. На роль инструмента развития, помогающим направлять капиталы в страны третьего мира, претендует Всемирный банк. Решения его относительно предоставления средств нередко политизированы, критерии – спорны. Это резко контрастировало с ЛЭМП №1, когда частный капитал из Европы направлялся в другие регионы мира на рыночной основе.

Недостаток либерализма в ЛЭМП №2 США компенсируют экспортом демократии, что, конечно, не может не вызвать негативную реакцию у Лала. Это – логично, если вспомнить, что демократия (в отличие от подлинно либерального порядка как системы экономических и гражданских свобод) отнесена им к области не материальных, а космологических представлений. Ее настойчивое продвижение опасно ответной реакцией отторжения ЛЭМП¹.

Лал возражает тем, кто ссылается на примеры Ю.Кореи, Тайваня, Филиппин [Там же: 321-322]. По его мнению, они еще не доказывают, что смогут сохранить демократию. Хотя космологические представления в Латинской Америке близки к западным, в ней 200 лет волны демократизации сменяются приливами диктатур. Он считает, что еще рано утверждать, что либеральная демократия созреет и обретет устойчивость в Ю.Корее или на

¹ «Попытка западных этических империалистов учинить джихад во имя своих космологических представлений, воплощением которых являются демократия и права человека, способна привести к обратной реакции, поскольку другие культуры по ошибке могут решить, что модернизация и глобализация означают также вестернизацию и потерю собственной души...» [Там же: 323].

Тайване. Да и Япония, несмотря на все усилия генерала Макартура, вернулась к политической системе, очень сходной с той, которая была создана олигархами эпохи Мэйдзи.

Далее Лал пишет: «Но если политическая свобода во всем мире, пожалуй, и недостижима, то о свободах гражданских и экономических, которые являются еще более фундаментальными аспектами свободы, этого не скажешь» [Там же: 322]. Причем «страны могут усваивать эти ключевые свободы даже в отсутствие политических свобод, о чем свидетельствует процветание принадлежащих к китайской культуре городов-государств Гонконга и Сингапура» [Там же].

А что делать США? Во-первых, не стесняться признать себя империей. Империей благожелательной и толерантной. И тогда придет понимание того, что «для предотвращения беспорядков в империи лучше оставить в покое космологические представления других народов, в том числе их политические обычаи» [Там же: 333]. Не нужно поддаваться тем, кто хотел бы использовать мощь Америки для того, чтобы силой закона утвердить западные «привычки души».

Во-вторых, последовать примеру британцев XIX в. и в одностороннем порядке ввести режим свободной торговли со всеми. Исключением, как считает Лал, могут быть страны Евросоюза, пока он сам не откроет свои экономические границы для мира [Там же: 329]. Это, например, сразу сделает окончательно бессмысленным существование ВТО.

Однако возможность стать новой либеральной империей ограничено теми внутренними изменениями, которые трансформировали Западную цивилизацию в противоположном классическому либерализму направлении.

Индивидуализм, закат Запада и луч надежды

Этой проблеме Лал уделил в своих исследованиях едва ли не наибольшее внимание. Дело в том, что «индивидуализм парадоксальным образом подточил самые скрепы сотворенных им процветающих обществ» [Лал, 2007: 206]. «Порожденный индивидуализмом триумф науки привел к смерти Бога на Западе и, таким образом, к смерти вины, предписывавшей соответствующую личную мораль. В свою очередь, демократизация, также вызванная индивидуализмом, подточила традиционные иерархические основы этих обществ и разрушила набор “манер”, основанных на почтении, которые порождают чувство стыда в ходе социализации в этих обществах» [Там же].

Таким образом, Западное общество, согласно Лалу, утратило как чувство вины, так и остаточное чувство стыда (которое, как мы уже знаем, доминирует в его концепции в качестве механизма социализации в евразийских цивилизациях). Далее Лал едва ли не повторяет Федора Достоевского с его «бога нет – все дозволено». Секуляризация Запада имела для него ряд негативных последствий, важнейшими из которых являются государство всеобщего благосостояния и активность НПО¹.

Начнем с первого. Казалось бы, индивидуализм и этот тип государства никак несовместимы. Однако Лал видит между ними тесную связь. Логика такова: отмирание чувства вины одновременно означала и отмирание чувства личной ответственности за свое благополучие. Для бедных это означало утрату стимулов для подъема по экономической лестнице, для людей более состоятельных – утрату «буржуазных ценностей»: умеренности в потреблении, бережливости [Там же: 198-199]. Добавим сюда уже упоминавшееся ранее разделение поколений в семье, снижение их взаимных обязательств в результате первой папской революции. Ясно, что в такой среде у государства появилось много дополнительных дел в форме организации и финансирования социальной защиты.

¹ Лал уделяет внимание не только НПО, но и таким официальным международным организациям как МВФ, Всемирный банк, ВТО и ООН (в первую очередь ее связям с НПО). В них он также видит угрозу ЛЭМП и предлагает пути их радикальных преобразований [Lal, 2005].

Государство всеобщего благосостояния обернулось против модернизации и сокрушило ЛЭМП № 1. Достаточно очевидно, что свободная международная миграция рабочей силы не может сосуществовать рядом с множеством национальных социальных программ. Каждое государство будет защищать «своих» претендентов на доступ к их благам от «пришельцев».

Однако для экономистов видна и связь краха такой опоры ЛЭМП №1 как золотой стандарт с присущей государству всеобщего благосостояния негибкостью зарплаты, – результата коллективных договоров профсоюзов с предпринимателями под эгидой властей. Золотой стандарт обеспечивает автоматическое регулирование платежных балансов только при абсолютной гибкости всех цен, включая цены на рынке труда: они должны падать в стране с отрицательным балансом (откуда уходит золото) и расти в стране с положительным балансом (куда золото приходит). Тогда продукция первой страны становится более конкурентоспособной на мировом рынке, а второй – менее, и баланс выравнивается.

Теперь снова обратимся к империям. Глобализация и модернизация, согласно Лалу, должны опираться на те блага, которые предоставляет имперский механизм. В то же время, «имперская система США движется к серьезному фискальному кризису, который ... был главной причиной падения Римской империи» [Лал, 2010: 209]. В основе этого кризиса – непомерные расходы на поддержание социальных обязательств, взятых государством всеобщего благосостояния¹.

Активно противодействует глобализации многочисленные НПО². Особая роль в нем принадлежит «зеленому движению», представителей которого Лал именует «экофундаменталистами». И это – не случайно. «Религиозный вакуум Запада, оставшийся после победы индивидуализма, все больше заполняется причудливым культом природы...» [Лал, 2007: 207]. Лал приходит к выводу, что «"Зеленые" – современная секулярная разновидность религиозного движения, которое начало "крестовый поход" всемирного масштаба, стремясь навязать все свои представления о жизни» [Лал, 2009: 329].

Концепцией, на которой «зеленые» и прочие НПО строят свои притязания, является т.н. «демократия участия». Лал называет ее «абсолютно антилиберальной» [Там же: 305]. Она, как бы парадоксальным это не казалось, приводит к росту влияния групп давления на законодательный процесс. В результате возникает т.н. «демосклероз».

Лал подробно рассматривает многообразные формы ущерба, проистекающие из деятельности «зеленых». Это и мифический взгляд на глобальное потепление (с отнюдь не мифическими последствиями в виде Киотского протокола), и запрет на применение ДДТ (который привел к эпидемии малярии в Африке), и борьба с генетически модифицированными продуктами, и многие другие «достижения»³.

¹ В США государственные расходы равны 36% ВВП, из них 15% ВВП (примерно 42%) составляют расходы на социальные нужды. В США фискальный дисбаланс (выраженная в текущей стоимости разность между будущими обязательствами при условии сохранения нынешней политики и будущими доходами) составляет 9% от ВВП 2012 г. [Glokhale, Partin, 2013: 196, 207]. В 2011 г. дефицит бюджета в США составлял 8,7% ВВП и из стран ЕС уступал только Греции, Испании и Ирландии. С тех пор он снизился до 6,9%, но, тем не менее, и эта цифра выше, чем в большинстве стран ЕС. Национальный долг США в 16,4 трлн. долларов означает, что каждый гражданин США должен 52 тыс. долларов. Это больше, чем в любой стране ЕС [Tanner, 2013: 214].

² «Роль "штурмовых отрядов" антиглобалистского движения играет бесчисленное множество неправительственных организаций (НПО)» [Лал, 2009: 298].

³ Так, решение о закрытии к 2022 г. АЭС в Германии после аварии на Фукусиме (как будто Германию часто посещают цунами) приносит колоссальные потери. В 2012 г. энергоконцерны E.ON и RWE затребовали от правительства Германии 15 млрд. евро в счет компенсации убытков от прекращения работы атомных реакторов. Из 17 АЭС, которые еще год назад вырабатывали 20% производимой на территории Германии энергии, в 2012 г. эксплуатировались только девять. Немецкий институт экономических исследований (DIW) подсчитал, что вся программа по реструктуризации энергетического сектора обойдется стране в 200 млрд. евро – 8% ВВП Германии за 2011 г. [Алексеева, 2012].

Ради своих целей НПО «колонизировали ООН»: многие его ведомства пляшут под их дудку. Распространяется их влияние и на Всемирный банк. Они «превратились в настоящие инкубаторы всевозможных антиглобалистских программ, укомплектованные международной бюрократией, стремящейся к получению соответствующей ренты» [Лал, 2010: 248].

Очевидно, что «зеленое движение» и прочие НПО дают мощный импульс, направленный против ЛЭМП № 2. В их сотрудничестве с ведомствами ООН «они – самые мощные каналы распространения “нового дирижизма”» [Лал, 2009: 342].

Формальный гуманизм «зеленых» оборачивается мизантропией: «Пусть погибнет человек, лишь бы здравствовала природа». «“Зеленые”, естественно, выступают против обеих форм “капитализма” – свободной торговли по Смиту и сжигания ископаемого топлива; поэтому, если они возьмут верх, беднякам всего мира будет не на что надеяться» [Там же: 321]. «Если называть вещи своими именами, то их цель – увековечить традиционную нищету, характерную для великих евразийских цивилизаций – индийской и китайской» [Лал, 2010: 246].

Что делать? Лал отвечает на этот вопрос совершенно определенно. «Долг крупнейших стран третьего мира и потенциальных имперских держав, таких, как Индия и Китай, – противостоять современному религиозному движению, каковым являются “зеленые”, выступившие в крестовый поход за прекращение экономического развития» [Там же: 247].

Лал не зря называет Индию и Китай «потенциальными имперскими державами». Если США не возьмут на себя ответственность за поддержание глобального *Pax*, то можно ожидать, что за решение этой задачи возьмется одна из этих восходящих держав. И с учетом проявленной ими заинтересованности в либерализации экономики, они, как полагает Лал, будут строить необходимый для глобализации ЛЭМП [Там же: 338].

Вместе с тем, Лал видит шанс и для Запада. С космологической точки зрения, он – в наметившемся продвижении к новому язычеству [Lal, 2010]. Эту работу Лал начинает с краткого изложения своей концепции, о которой речь шла выше. Христианство и, позже, ислам преуспели в разрушении классического языческого мира с его политеизмом, иерархическими обществами и традиционными евразийскими космологическими ценностями. В построенных на стыде азиатских обществах (из числа которых Лал, безусловно, исключает исламский мир) социальные скрепы базируются не на вере в бога, их религии – это, скорее образ жизни. Не «азиатские ценности» ответственны за азиатские «экономические чудеса», а воспринятые материальные ценности второй папской революции. Но они при этом не сочетались с принятием космологии Запада и это помогло избежать «социальных патологий, вызываемых государством благосостояния» [Ibid.: 5].

В чем же шанс Запада? Первое, на что обращает внимание Лал, это растущая секуляризация церкви по мере того как молодежь отворачивается от веры их отцов, брак перестает быть святостью: он, скорее, рассматривается как сделка ради сохранения собственности, поскольку имеются дети. Устойчивая семья разрушается и полигамия, которая вызывает тот же эффект как древняя полигамия в создании расширенной (в противовес западной – нуклеарной) семьи, все более принимается.

Второе – это «демографическая бомба». Запад, с его стареющим населением, может подтолкнуть спонтанное движение молодежи назад – к языческим социальным ценностям. Возможно, она, увидев не очень счастливую судьбу поколения «бэйби-бумеров» в старости, не захочет ее повторять и решит иметь больше детей. Причем социализация их пойдет путем внушения морали стыда, требующей заботы о стариках. Возможно, молодежь убедится, что опора на государство в вопросах страхования жизненных рисков есть ловушка и иллюзия. Конечно, говорит Лал, эти рассуждения могут показаться фантастическими, но, с другой стороны, кто мог предвидеть тот странный курс, которым западный индивидуализм пошел в социальной сфере [Ibid.: 6].

И, наконец, возможно продолжающееся сопротивление Индии и Китая – этих двух выживших цивилизаций классического языческого мира – сокращению выброса углеродов ради предотвращения глобального потепления все еще способно спасти Запад от выбранного им пути по направлению к осуществлению экономического хакари [Ibid.: 6-7].

Заключает Лал свои рассуждения следующими словами: «Западное отречение от космологических убеждений классического языческого прошлого привело ко многим социальным патологиям, среди которых государство благосостояния является самым ярким примером. Возвращение к язычеству могло бы быть просто бальзамом для лечения одинокой и сломанной западной души» [Ibid.: 7].

Литература

Алексеева О. (2012). Государство расщепляют на 15 млрд. евро // URL.: <http://www.gazeta.ru/financial/2012/06/13/4624345.shtml>.

Голдстоун Дж. (2014). Почему Европа? Возвышение Запада в мировой истории, 1500-1850. М.: Изд-во Института Гайдара.

Грейф А. (2013). Институты и путь к современной экономике. Уроки средневековой торговли. М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Лал Д. (2009). Возвращение «невидимой руки»: Актуальность классического либерализма в XXI веке. М.: Новое издательство.

Лал Д. (2007). Непреднамеренные последствия. Влияние обеспеченности факторами производства, культуры и политики на долгосрочные экономические результаты. М.: ИРИСЭН.

Лал Д. (2010). Похвала империи: Глобализация и порядок. М.: Новое издательство.

Линдси Б. (2006). Глобализация: повторение пройденного. Неопределенное будущее глобального капитализма. М.: Альпина Бизнес Букс, 2006.

Сен А. (2004). Развитие как свобода. М.: Новое издательство.

Ekelund R.B., Jr. (2004). Medieval Church // The Encyclopedia of Public Choice. Vol. 2. C. K. Rowley, F. Schneider (eds.). Dordrecht etc.: Kluwer acad. P. 387-388.

Kuran T. (1995). Private Truths, Public Lies. Cambridge, Mass.: Harvard University Press.

Gokhale J., Partin E. (2013). Europe and the United States: On the Fiscal Brink? // Cato Journal. Vol. 33, no.2. P.193-210.

Lal D. (1994). Against Dirigisme: The Case for Unshackling Economic Markets. San Francisco: An International Center for Economic Growth Publication.

Lal D. (1987). Markets, Mandarins and Mathematicians // Cato Journal. Vol. 7, no. 1. P. 43-70 [переизд.: Lal D. (1994). Against Dirigisme. San Francisco: ICS Press. P. 23-50].

Lal D. (2006). Reviving the Invisible Hand: The Case for Classical Liberalism. Princeton, N.J.: Princeton University Press.

Lal D. (2012). Is the Washington Consensus Dead? // Cato Journal. Vol. 32, no. 3. P. 493-512.

Lal D. (1988, 1989). The Hindu Equilibrium. 2 vols. Oxford: Clarendon Press.

Lal D. (1984). The Political Economy of Predatory State. Discussion Paper no. 105. Washington, D.C.: World Bank.

Lal D. (2005). The Threat to Economic Liberty from International Organizations // Cato Journal. Vol. 25, no. 3. P. 503-520.

Lal D. (2010). Toward a New Paganism: The Family, the West and the Rest // Biblioteca della liberta, XLV, gennaio-aprile, no. 197 online // URL.: <http://www.centroeinaudi.it/centro/bdl.html>.

- Lal D. (1998). *Unintended Consequences*. Cambridge, Mass.: MIT Press.
- Lal D., Myint H. (1996). *The Political Economy of Poverty, Equity and Growth*. Oxford: Clarendon Press.
- MacCloskey D. (2011). *Bourgeois Dignity: Why Economics Can't Explain the Modern World*. Chicago: IL: University of Chicago Press.
- Mokyr J. (2000). *Innovations and Its Enemies: The Economic and Political Roots of Technological Inertia // A Not-So-Dismal Science: A Broader View of Economies and Societies* / M. Olson (ed.). Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2000. P. 61-91.
- Mokyr J. (1990). *The Lever of Riches*. N.Y.: Oxford University Press.
- Oakshott M. (1993). *Morality and Politics in Modern Europe*. News Haven: Yale University Press.
- Searle J.R. (1995). *The Reconstruction of Social Reality*. N.Y.: Free Press.
- Tanner M. (2013). *Is America becoming a Greece?* // *Cato Journal*. Vol. 33, no.2. P. 211-225.